

Цю Чэньчжи, нахмурившись, разглядывал висевшую перед ним семерку диких братьев-калебасов.

Никакого человеческого обличья, как в мультфильмах, — просто семь разноцветных маленьких тыковок. Все они дружно висели на сочной зеленой плети, уцепившейся за расщелину у самого края обрыва, и легонько покачивались под порывами горного ветра.

Каждая едва ли превышала размером ладонь, а их яркая глянцевая кожура на солнце отливала мягким нефритовым блеском. Складывалось ощущение, будто вырезали их из какого-то диковинного поделочного камня.

Бай Цзыюй утер рукавом взмокший лоб. На его щеке все еще темнело грязное пятно, но юноша, не обращая на это внимания, подошел к Цю Чэньчжи и тоже поднял взгляд на притаившиеся у кручи плоды.

Юноша удивленно распахнул глаза.

— Это и есть те самые духовные сокровища, о которых говорил владыка дворца Чу? — изумленно спросил он.

Они действительно разительно отличались от обычного духовного оружия. Даже издали чувствовалось, как с каждым дуновением ветра от них исходят тончайшие струйки чистой ци, приносящие мгновенное умиротворение. Подобные природные сокровища, столь щедро налитые первозданной энергией, считались редкостью даже в мире совершенствующихся.

Отряд проделал под предводительством Чу Юня немалый путь, углубляясь все дальше в Малое Иллюзорное Царство. Судя по всему, внешние границы иллюзии давно остались позади.

Лишь в этих нетронутых, безлюдных глубинах еще можно было отыскать столь ценные дары земли и неба.

Дорога, конечно, не обошлась без трудностей — смертоносных ловушек и чудовищ здесь хватало с избытком. Но под надежной защитой Цю Чэньчжи и Чу Юня юные адепты миновали все преграды без потерь, закаляя характер и набивая шишки в бесконечных стычках с местными тварями.

Цю Чэньчжи молча покосился на перепачканного грязью «золотого щенка». Заметив темные крапинки, оставшиеся на лице юноши после недавней схватки, старейшина невольно улыбнулся в душе.

Почувствовав на себе взгляд наставника, Бай Цзыюй занервничал и снова потер щеку рукавом.

В результате он лишь размазал скопившуюся на ткани грязь по всему лицу. Осознав, как глупо выглядит, юноша густо покраснел от стыда — в этот миг он готов был сквозь землю провалиться.

Пытаясь загладить неловкость и заставить старейшину забыть о его конфузе, он решительно сжал рукоять меча и направился к краю обрыва, намереваясь сорвать загадочные плоды.

Заметив, с какой неосторожностью юноша приближается к духовному сокровищу, обычно невозмутимый Чу Юнь резко выкрикнул:

— Назад! Опасно!

Договорить он не успел. Идущий впереди Цзыюй резко замер и, оттолкнувшись носком сапога от валуна, взмыл в воздух. Буквально через мгновение то место, где он только что стоял, лизнул внезапно вырвавшийся из-под земли огненный язык.

Когда пыль улеглась, присутствующие увидели, что висевшая посередине сочно-зеленая тыковка вдруг пришла в движение. На ее округлом боку приоткрылась темная щель, удивительно похожая на зубастую пасть.

Стоило этой «пасти» распахнуться, как наружу вырвался яростный огненный поток, устремившийся прямо к зависшему в прыжке Цзыюю. Не прояви юноша чудеса реакции, от него осталась бы лишь горстка пепла.

Цю Чэньчжи лишился дара речи.

«Мать твоя... Да это же взаправду "Братья-калебасы"! И нападает на нас сейчас, получается, Огненный Брат?»

Цзыюй сумел увернуться от первого удара, но все еще оставался в воздухе. Зеленая тыковка сердито качнулась, и из ее чрева вылетела новая струя всепожирающего пламени, целясь в беззащитного юного заклинателя.

Видя, что его «золотого щенка» вот-вот зажарят до корочки, Цю Чэньчжи мгновенно положил ладонь на эфес, готовый ринуться на выручку. Чу Юнь тоже взмахнул короткой плетью, собираясь перехватить юношу в воздухе, а стоявшие поодаль адепты подались вперед, готовясь прийти на помощь собрату.

Однако перед лицом смертельной опасности Бай Цзыюй меньше всего желал вновь ударить в грязь лицом перед человеком, которым восхищался всей душой.

— Старейшина, владыка дворца Чу, стойте! — отчаянно крикнул он, уворачиваясь от жара. — Не вмешивайтесь, я справлюсь сам!

Он резко сгруппировался и выставил перед собой клинок. Наполненный духовной силой удар рассек яростный поток пламени надвое.

Поймав восходящий поток воздуха и воспользовавшись секундной передышкой, пока зеленая бестия готовилась к новому выдоху, Цзыюй стрелой устремился вперед, намереваясь точным взмахом меча срезать плоды с ветви.

«А малец-то не промах», — удивленно отметил про себя Цю Чэньчжи. Изнурительные тренировки и бесконечные бои в иллюзорном мире явно пошли юноше на пользу. Подав знак остальным не вмешиваться, старейшина решил понаблюдать за его успехами.

В конце концов, путешествие в Малое Иллюзорное Царство затевалось не только ради редких артефактов и трав, но и для закалки молодого поколения.

Раз уж ученики проявляли такую инициативу, старейшинам оставалось лишь присматривать за ними и вмешиваться только в самый критический момент.

Тем временем Цзыюй уже протянул руку к ближайшему плоду, но порадоваться триумфу не успел. Огромный, размером с добрый чан валун с пронзительным свистом полетел прямо ему в голову.

Застигнутый врасплох, он вынужден был отказаться от добычи. Резко отклонившись назад, он уклонился от снаряда, который едва не снес ему макушку.

Не успел юноша перевести дух, как соседняя — багровая — тыковка яростно задрожала и прямо на глазах увеличилась вдвое. Рухнув вниз, она с глухим грохотом врезалась в каменистый выступ, разнеся его в щепки.

Осколки породы шрапнелью разлетелись во все стороны, а багровая бестия, раскачиваясь на лозе, словно гигантский маятник, точными ударами посылала эти каменные снаряды прямо в цель.

Юноша не ожидал от чудо-плодов такой слаженной командной работы. Едва не угодив под каменный град, он принялся лихорадочно лавировать между летящими глыбами, все еще надеясь прорваться к заветной лозе.

Однако на полпути его перехватила третья — золотисто-желтая тыковка. Словно выпущенное из баллисты ядро, она рванулась наперерез, натягивая длинный прочный стебель.

Цзыюй взмахнул мечом, намереваясь перерубить побег, но золотистый плод оказался прочнее закаленной стали. Острие клинка со звоном отскочило от кожуры, не оставив на ней даже царапины.

Пользуясь замешательством противника, желтый снаряд с размаху врезался ему в грудь. Защитный барьер лопнул с сухим треском, заставив юношу судорожно глотнуть ртом воздух от пронзительной боли.

Бедный малец и представить себе не мог, что его так позорно погонит какая-то мелочь пузатая. Пока он, осыпаемый ударами, пытался удержать равновесие на летящем мече, в бой вступил четвертый противник — сине-зеленая тыковка. На ее боку открылась щель, из которой ударил мощный водяной поток.

Струя, подобно разъяренному водному дракону, сбила Цзыюя с ног.

Не удержавшись, он кубарем покатился по воздуху и шмякнулся прямо к ногам Цю Чэньчжи. Промокший до нитки, взъерошенный и несчастный.

Слипшиеся мокрые пряди облепили его лоб, вода ручьями стекала за воротник, но он лишь виновато поднял голову, глядя на безупречные белые сапоги своего наставника.

«Ну почему... почему каждый раз я умудряюсь так позорно опростоволоситься именно перед ним?»

Он ведь так хотел показать себя с лучшей стороны, защитить честь ордена и порадовать старейшину...

Горло сдавило спазмом. Готовый разрыдаться от обиды, он поспешно закрыл лицо руками.

Глядя на этого несчастного парня, который от стыда готов был свернуться в клубок, словно вымокший под дождем бездомный щенок, Цю Чэньчжи не знал, плакать ему или смеяться. Он вздохнул и протянул юноше руку, помогая подняться.

— Эти сокровища обладают незаурядной силой, — мягко произнес старейшина. — Даже владыка Чу относится к ним с опаской. Неудивительно, что в одиночку тебе пришлось нелегко.

Заметив, что слова не сильно взбодрили Цзыюя, он помедлил и добавил:

— Не вешай нос. То, как долго ты продержался против них, доказывает твои успехи. Я приятно удивлен.

Утешать людей старейшина Цю никогда не умел и сейчас сомневался, вышло ли у него хоть сколько-нибудь убедительно.

Однако эффект превзошел все ожидания. Поникший было юноша мгновенно вскинул голову. Его глаза заблестели, а на лице расцвела такая искренняя, детская радость, словно его только

что наградили величайшим сокровищем мира.

Что ж, терапия определенно сработала.

Цю Чэньчжи решил, что для начала ему стоит самому прощупать почву, а уже потом позволить молодежи развлекаться и испытывать судьбу на прочность.

Сказано — сделано. Его силуэт размылся, и он, словно белоснежный сокол, бесшумно скользнул к краю пропасти.

Позади раздался дружный вздох восхищения. Чу Юнь, поколебавшись мгновение, тоже сорвался с места, решив подстраховать напарника.

Стоило им приблизиться, как зеленая тыква снова задержалась, выплевывая очередную струю бушующего пламени.

Оказавшись в непосредственной близости, Цю Чэньчжи понял, что жар от этого огня далеко не так страшен, как казалось со стороны. «Обычный пшик», — подумал он. Даже не обнажая клинка, он просто выставил перед собой ножны. Волна чистейшей, ледяной энергии меча мгновенно затушила разгорающийся пожар.

Почувствовав исходящую от оружия морозную ауру, зеленая вредина испуганно сжалась, а пламя в ее пасти уныло погасло.

Приблизившийся Чу Юнь обомлел. Одно легкое движение — и монстр, доставивший им столько хлопот, усмирен.

«Этот старейшина Цю... его сила поистине безгранична».

Пользуясь моментом, Цю Чэньчжи скользнул вперед и кончиком ножен поддел стебель. Зеленая тыковка замерла, побег лопнул, и плод полетел в пропасть.

«И это все?» — изумился старейшина легкости победы. Опасаясь, как бы сокровище не разбилось о скалы, он совершил пируэт в воздухе и поймал падающий плод свободной рукой.

Видя, с каким легкомыслием тот приближается к остальной грозди, Чу Юнь занервничал. Перехватив поудобнее боевые палицы, он рванулся следом:

— Берегись! Справа!

Предчувствие его не обмануло. Разозленная вторжением багровая тыква раздулась до

размеров бочонка и с размаху полетела на Цю Чэньчжи.

Одновременно с ней сзади атаковал твердокаменный золотистый снаряд.

Спокойно повернувшись навстречу багровой угрозе, Цю Чэньчжи просто протянул руку и поймал растолстевший плод мертвой хваткой.

Несмотря на всю свою дикую силу, в его ладони сокровище забилося беспомощно, словно пойманный за уши кролик.

За спиной раздался резкий металлический звон. Обернувшись, старейшина увидел, что Чу Юнь принял удар золотистой тыквы на свои стальные палицы.

Несокрушимая золотая броня плода выдержала бы любой клинок, но Чу Юнь, будучи мастером на пике стадии Очищения Пустоты, действовал хитрее. Сдерживая натиск палицами, он свободной рукой метнул гибкую плеть, намертво обмотав стебель, и резко дернул на себя.

Тем временем пойманная багровая тыковка все еще пыталась вырваться из пальцев Цю Чэньчжи.

Ее яростное сопротивление казалось ему не сильнее трепыхания воробья.

Позабавленный этим, он слегка сжал ладонь и потянул плод на себя. Раздался тихий щелчок — стебель оборвался, и бунтарь мгновенно притих, признавая поражение.

Зависнув в воздухе над бездной с двумя послушными тыковками в руках, Цю Чэньчжи впал в легкий ступор.

«И это... все? Великие сокровища собираются так просто?»

Похоже, слухи о невероятной сложности добычи были сильно преувеличены.

В этот момент Чу Юнь с грохотом оборвал-таки упрямый золотой плод, тяжело дыша от напряжения.

Но расслабляться было рано. Сине-зеленый пакостник решил напоследок огрызнуться и выпустил в их сторону струю воды.

Чу Юнь, успевший приноровиться, резким взмахом палицы сбил водяной поток, шедший в сторону напарника. Сблизившись с противником, он вновь пустил в ход плеть, зафиксировав стебель, и изо всей силы опустил тяжелое оружие на упрямую макушку синей тыковки.

После пары сокрушительных ударов та не выдержала и безвольно повисла в петле.

Не прошло и четверти часа, как совместными усилиями четыре из семи сокровищ были успешно собраны.

Уставший Чу Юнь подлетел ближе и с вежливой улыбкой протянул добычу коллеге.

Тот качнул головой, жестом давая понять, что каждый должен оставить себе то, что завоевал сам.

Пока они переглядывались, оставшаяся троица плодов, смекнув, что пахнет жареным, испуганно задрожала. Две тыковки спешно выбросили дополнительные побеги и резво поползли по скале прочь.

«Они что, еще и драпать умеют?!»

Наблюдавшие за этим снизу адепты Ордена Великого Небытия не собирались упускать добычу. С громкими криками они обнажили мечи и бросились наперерез беглецам.

Поскольку самые боеспособные экземпляры уже были нейтрализованы старейшинами, оставшиеся беглецы не отличались особой мощью. Вскоре молодежь загнала их в угол.

Фиолетовая тыковка оказалась совершенно безобидной: единственное, на что она была способна — это притягивать нападавших к земле и немного тащить за собой. В итоге толпа учеников просто навалилась скопом и дружно оторвала ее от лозы.

Оранжевый собрат проявил завидную верткость и острый слух. Он умудрялся несколько раз ускользать буквально сквозь пальцы, едва не скрывшись в расщелинах скал.

Спасти положение удалось Бай Цзыюю. Юноша проявил терпение и выследил беглеца в узкой расселине. Схватив верткий плод обеими руками, он триумфально перерубил его стебель.

Стыд за прошлую неудачу был полностью смыт!

В мгновение ока на лозе остался лишь один плод.

Довольные адепты с весьма предвкушающими ухмылками окружили последнюю — ярко-синюю — тыковку.

Синий бедняга мелко задрожал от ужаса и вдруг... растворился в воздухе прямо на глазах изумленной толпы.

Ребята так и застыли с разинутыми ртами.

Некоторые особо упрямые даже полезли прощупывать пустую ветку, но пальцы хватали лишь пустоту.

Радостное настроение мигом испарилось, сменившись горьким разочарованием от упущенной выгоды.

Цю Чэньчжи ничуть не удивился. Он лишь спокойно скользнул взглядом по пустому месту.

«Ну еще бы. Кто вообще способен разглядеть Шестого Брата с его невидимостью?»

Ордену Великого Небытия досталось целых четыре трофея. Заинтересовавшись, старейшина взял сочно-зеленую тыковку и принялся вертеть ее в руках.

Заметив, что крышечка на верхушке слегка шевелится, он подцепил ее пальцами и аккуратно потянул.

Раздался негромкий щелчок, пробка вылетела, и воздух мгновенно наполнился густым, умопомрачительно сладким ароматом.

Оказалось, чудо-плод служил естественным сосудом, до краев наполненным тягучим нектаром.

Повинуясь любопытству, Цю Чэньчжи поднес горлышко к губам и сделал маленький глоток.

Его глаза ошеломленно округлились.

«Матча?!»

Не веря собственным ощущениям, он сделал еще один глоток.

«Да ладно... Серьезно, вкус чая матча с молоком!»

Самый настоящий молочный чай с матча!

Погрузившись в глубокое молчание, он медленно перевел взгляд на багровую тыковку. Сорвав крышку, припал к ней.

«Первый Брат... со вкусом клубничного молока...»

Увидев, как старейшина дегустирует добычу, ученики оживились.

— Так внутри этих тыковок — драгоценная духовная эссенция! — ахнул кто-то.

Жидкая ци... сокровище, о котором любой заклинатель мог только мечтать!

Поспешно откупорив свои трофеи, ребята с глубоким почтением поднесли их Цю Чэньчжи, уступая ему право первого глотка.

Даже Чу Юнь из вежливости протянул свои два плода, предлагая разделить добычу в знак благодарности за помощь.

На сей раз старейшина отказываться не стал. С абсолютно невозмутимым, деревянным лицом он поочередно пригубил каждый сосуд.

Второй Брат — со вкусом апельсинового сока.

Третий Брат — банановый смузи.

Пятый Брат — черничный лимонад.

Седьмой Брат — шоколадный коктейль.

Закончив дегустацию, Цю Чэньчжи застыл с выражением лица человека, познавшего дзен и отрекшегося от всего мирского. Казалось, еще секунда — и он вознесется на небеса прямо от этого абсурда.

«Я определенно попал в какой-то неправильный мир заклинателей».

Остальные же, дождавшись одобрения старейшины, с любопытством припали к горлышкам.

Стоило целебной влаге коснуться губ, как лица ребят исказились от изумления. Чистейшая теплая энергия волной хлынула из дантяня, стремительно растекаясь по меридианам. Плотная духовная сила напитала каждую клеточку тела, едва ли не сочась сквозь поры.

Общий вздох блаженства прокатился над поляной. Усталость и истощение последних дней испарились без следа, а духовный барьер у многих заметно укрепился, суля скорый прорыв в культивации.

Ликуя, адепты тем не менее держали себя в руках. Избыток столь концентрированной ци мог разорвать меридианы, да и обделять товарищей никто не хотел. Сделав по одному глотку, они

бережно передавали сосуд по кругу.

Даже Чу Юнь, находившийся на пике стадии Очищения Пустоты, ощутил, как мощный прилив сил всколыхнул застоявшуюся ци, заставив многолетние оковы узкого горлышка культивации затрещать по швам.

Оторвавшись от лакомства, владыка дворца Чу задумчиво посмотрел на Цю Чэньчжи, но тут же отвел взгляд, стараясь скрыть бушевавшие в душе эмоции.

Затем он протянул один из сосудов сестре, державшейся поодаль.

После пережитого ужаса Чу Си словно подменили. Забыв о капризах и спеси, она тенью следовала за братом, вздрагивая от каждого шороха и сжимаясь в комок от страха.

Лишь почуяв манящий сладкий аромат, девушка немного пришла в себя. Дрожащими руками перехватив тыквку, она сделала жадный глоток.

Чудесная влага мгновенно вернула ей силы. Глаза девушки лихорадочно заблестели, дрожь улеглась, и она, напроць лишившись манер, принялась взахлеб опустошать сосуд.

Заметив, что сестра намерена высушить тыкву до дна, Чу Юнь нахмурился и резко вырвал трофей у нее из рук:

— С ума сошла?! Тебе жизнь не мила? С твоим уровнем культивации поглотить столько эссенции за раз — самоубийство. Буйная ци просто разорвет твои каналы и уничтожит даньтянь!

Лишившись лакомства и получив нагоняй, Чу Си по привычке надула губы, собираясь устроить сцену. Но, натолкнувшись на суровый взгляд брата, тут же сникла. Нахлынувший страх заставил ее послушно опустить голову.

Едва избежав гибели, капризная девица больше не смела перечить защитнику. Она лишь тихо пробормотала извинения и испуганно прижалась к его плечу.

Чу Юнь молча спрятал оба сосуда в рукав, намереваясь забрать их во Дворец Лелеяния Цветов.

Цю Чэньчжи не видел в этих «молочных коктейлях» никакой практической пользы для собственного совершенствования, но, видя восторг учеников, щедро швырнул им оставшуюся добычу.

— Из этих четырех тыквочек две разделите между собой, — распорядился он. — Одну сохраните для Мо Ханя и остальных, кто остался в лагере. Последнюю мы заберем в орден.

Радостный хор голосов подтвердил послушание адептов.

— Ха-ха... — раздался вдруг тихий, насмешливый голос.

Внезапный смешок эхом отразился от каменных стен, заставив всех вздрогнуть.

— Кто здесь?! — хором выкрикнули ученики.

Никто не ожидал, что чужак сможет подобраться к ним незамеченным. Ребята мигом выстроились в защитное построение, обнажая мечи.

Даже Цю Чэньчжи нахмурился.

«Впервые за все время я упустил момент появления постороннего...»

Его хваленое чутье подвело его, не уловив ни малейших колебаний духовной энергии.

— Раздариваешь сокровища вековой зрелости направо и налево... Какая невиданная щедрость, — ледяной, сочащийся ядом голос зазвучал прямо перед ними, когда пространство подернулось рябью.

На том самом месте, где висела лоза, вспыхнула крошечная искра. В следующее мгновение беззвучно взметнулось густое черное пламя Преисподней высотой в человеческий рост.

Из самого сердца беснующегося темного костра неторопливо шагнул мужчина.

Черный огонь мгновенно угас. Незванный гость стоял перед ними, небрежно скрестив руки на груди. Рассыпавшиеся по плечам антрацитовые волосы подчеркивали мертвенную бледность его лица, на котором холодными звездами поблескивали темные глаза. Он был облачен в строгое черное одеяние с серебряной вышивкой, а из-под широкого рукава виднелось тонкое запястье, перехваченное яркой, словно свежая кровь, алой нитью.

Его благородные, пугающе идеальные черты лица могли бы пленить любого, но веявший от него могильный холод начисто лишал желания приближаться.

Молодые адепты невольно попятились, ощутив, как по спине пробежал ледяной пот.

Незнакомец лишь снисходительно усмехнулся. Скользнув равнодушным взглядом по застывшим ученикам, словно по дорожной пыли, он устремил взор на Цю Чэньчжи.

Столкнувшись взглядом с этим окутанным аурой смерти мужчиной, старейшина Цю замер.

«Боги... Какие роскошные волосы! Черные, блестящие, чистый шелк!»

Иссиня-черные пряди без всяких заколок свободно струились до самой талии, кажушиеся еще темнее его мрачных одеяний.

Контраст с бледной кожей делал этот образ невероятно глубоким, а темные глаза гостя напоминали скрытый в толще воды черный нефрит, таящий в себе смертоносную остроту.

Будучи тайным эстетом и страстным любителем черного цвета, Цю Чэньчжи заворуженно уставился на эту шевелюру, не в силах отвести взгляд.

Заметив этот пристальный, неотрывный взор, Мин Цзююань мгновенно оттаял. Раздражение уступило место самодовольной улыбке, тронувшей его тонкие губы.

Ленивым жестом он поднял руку. В его бледных пальцах покачивался синий плод — та самая бесследно исчезнувшая шестая тыковка.

«Ничего себе! Он поймал невидимого Шестого Брата!»

Поигрывая синим трофеем, Мин Цзююань с мягкой укоризной спросил:

— Распоряжаешься моими вещами... Не забыл ли ты спросить моего согласия?

И все же сквозь бархатные интонации пробивалось глухое недовольство.

Каждая травинка в этом месте была выращена им. Пусть эти забавные сосуды предназначались лишь для лакомств Цю Мина, они все равно принадлежали ему! С какой стати отдавать их посторонним?

И ладно бы кому угодно, но Цю Чэньчжи лично велел приберечь один для Мо Ханя!

«Для этого ничтожного червя, который смеет звать тебя просто по имени!»

Нет уж, увольте. Этого не бывать.

От одной этой мысли взгляд владыки Преисподней вновь потемнел, а внутри закипело яростное пламя ревности.

Он до сих пор не понимал, какую игру вел Цю Чэньчжи все эти столетия, и почему их отношения зашли в такой глухой тупик.

«Твоя амнезия — тоже часть хитроумного плана? Или ты просто заигрался?»

Игнорируя направленные на него мечи и враждебные взгляды учеников, Мин Цзююань бесшумно сократил дистанцию. Наклонившись, он заглянул старейшине в лицо. Расстояние между ними сократилось до опасного минимума.

Рассматривая безупречные темные пряди прямо перед собой, Цю Чэньчжи напрочь позабыл о правилах приличия и личных границах.

«До чего же красивые волосы... Интересно, если я немного отрежу на память, он сильно разозлится?»

Заметив направление его взгляда, Мин Цзююань тихо хмыкнул и подался еще ближе, жарко прошептав:

— Что, до сих пор равнодушен к черным волосам обитателей Преисподней? Хочешь... прикоснуться?

Его хриплый вкрадчивый шепот предназначался лишь для одного слушателя.

«Отрезать не дам, а вот погладить — так и быть, позволю».

Но, не дождавшись ответа, он сам замер, всматриваясь в столь знакомые и одновременно чужие черты.

Это лицо снилось ему долгими веками разлуки. Почти семьсот лет томительного ожидания...

Сама собой его бледная ладонь приподнялась. Слегка подрагивающими пальцами, выдающими бурю скрытых чувств, он потянулся к чужому виску...

И тут же был перехвачен мертвой хваткой.

Морок мгновенно рассеялся. Мин Цзююань недоуменно уставился на старейшину, сжимавшего его запястье.

Но на лице Цю Чэньчжи не было ни привычной холодности, ни высокомерия. Напротив, в его глазах читалась странная тревога, а взгляд был намертво прикован к руке гостя.

Мин Цзююань проследил за его взором и наткнулся на тонкую алую ниточку, повязанную вокруг собственного запястья.

«Неужели... ты вспомнил, откуда она у меня?»

Не замечая душевного трепета собеседника, старейшина Цю лишь крепче сжал пальцы и, стараясь говорить ровно, спросил:

— Кто ты такой?

«Откуда у этого типа алая ленточка моего Сяо Хэя?!»

Уловив в его голосе нотки паники, Мин Цзююань помрачнел. Обида и злость вновь волной захлестнули разум. Вскинув подбородок, он с издевкой процедил:

— Я — истинный хозяин этого Иллюзорного Царства!

«... Ну, по крайней мере, один из них».

Услышав это признание, Цю Чэньчжи на мгновение застыл, а его лицо заметно побледнело.

С силой оттолкнув руку собеседника, он сделал шаг назад.

Мин Цзююань лишь недоуменно изогнул бровь.

Цю Чэньчжи мгновенно помрачнел, и в его голосе зазвенела сталь:

— Ранее ученики рассказывали мне о чудовище, обитающем в этих глубинах. О том, кто зовет себя хозяином иллюзии, пряча под благообразным обликом мерзкую сущность пожирателя плоти.

Мин Цзююань онемел от такого сравнения.

«Это он сейчас про того слизняка, которого я вчера раздавил сапогом?»

— Сначала я счел эти рассказы глупыми слухами, — ледяной тон старейшины не предвещал ничего хорошего. — Но теперь вижу, что они чистая правда.

Молниеносным движением он выхватил клинок, направив его острое, источающее холод лезвие прямо в горло собеседнику.

— Где мой кот? — с угрозой спросил Цю Чэньчжи. — Отвечай!

<http://bllate.org/book/20750/2162713>